

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России анекдот как литературный жанр стал утверждаться в середине XVIII столетия. Воспринятый в ходе усвоения европейской (в первую очередь французской) традиции, в процессе ориентации на светскую культуру общения он достаточно быстро и органично соединился с богатейшим национальным опытом, вобрав, в частности, в себя целый ряд живых особенностей русского народного анекдота. В результате возникло явление достаточно самобытное, хотя и существующее в рамках общей культурной нормы.

Настоящий расцвет жанра, его подлинный апогей пришелся на пушкинскую эпоху. Для этого были свои причины. Именно к середине двадцатых – началу тридцатых годов XIX столетия жанр русского литературного анекдота, можно сказать, окончательно сложился, определились его внутренние законы, традиции, репертуар сюжетов, круг и основные типы рассказчиков. Кроме того, в пушкинскую эпоху анекдот начал осознаваться как феномен культуры, как эстетическая система, которая в силу устного характера своего функционирования легко может раствориться и исчезнуть. Иначе говоря, явственно стала обозначаться тенденция к сохранению анекдота в национальной памяти. Однако происходило это при обстоятельствах достаточно драматичных.

Политическая дискредитация передового русского дворянства после разгрома восстания декабристов вызвала приток новых общественных сил, начала приводить к активизации "наемной сволочи", по определению П.А.Вяземского. Дворянской культуре, занимавшей до того главенствующее место в жизни русского общества, пришлось потесниться. Естественно, это отразилось и на неписаных законах принятого поведения. Утверждавшаяся на протяжении нескольких поколений культура общения перестала быть определяющей нормой. И, как прямое следствие происшедшей перемены, стал уходить в быт и анекдот, теряя свою серьезность, свою литературность, свою художественную значимость; он стал деэстетизироваться. Тогда-то под анекдотом и начали понимать нечто легковесное, незначительное, чисто развлекательное.

Именно в ходе острого осознания того, что жанр уходит, выдыхается, что блистательные традиции его меркнут, и были предприняты две фундаментальные попытки по спасению анекдота: *Table-talk* А.С.Пушкина и *Старая записная книжка* П.А.Вяземского. Показательно, что возникли они в острой и непримиримой борьбе с так называемым "торговым" направлением в литературе, в процессе отстаивания лучших ценностей, созданных в рамках дворянской культуры. В круг этих ценностей и А.С.Пушкин, и П.А.Вяземский включали не только создания литературы, музыки, архитектуры, но и совершенно особую сферу – искусство общения, устную словесную культуру, одним из ведущих жанров которой и был анекдот.

То, что было зафиксировано А.С.Пушкиным в *Table-talk* и П.А.Вяземским в *Старой записной книжке*, представляет безусловную историко-литературную ценность, но, тем не менее, не дает, да и не может дать исчерпывающей картины жанра, который в пушкинскую эпоху отличался исключительным богатством и плодотворностью (существенным дополнением и уточнением к собирательской работе П.А.Вяземского является *Записная книжка* Н.В.Кукольника). Множество анекдотов рассеяно по далеко не всегда опубликованным дневникам, письмам, воспоминаниям. Их собирание и

осмысление давно уже стало необходимостью.

Нами был реконструирован ряд анекдотических эпосов, активно функционировавших в конце XVIII – первых десятилетиях XIX веков. Кроме того, восстановив по мере возможности, склеив буквально из осколков (главным образом, конспективных записей, случайных, сделанных мимоходом упоминаний) устное наследие одного из особенно популярных в пушкинскую эпоху рассказчиков (Д.Е.Цицианов), мы попытались показать его как подлинное творчество, как высокое словесное искусство. Более того, было продемонстрировано, что "остроумные вымыслы" Д.Е.Цицианова складывались в особый художественный текст, в книгу о "русском Мюнхгаузене", которая существовала совершенно реально, хотя в целостном своем виде и не была записана.

Таким образом, анекдот, хотя он прежде всего распространялся устно и, значит, не был прикреплен к бумаге в момент непосредственного своего развертывания, не просто был связан с миром художественного творчества, но и занимал в литературном процессе пушкинской эпохи свое особое место, представлял самостоятельную эстетическую ценность. Тем самым реконструкция анекдотического эпоса о "русском Мюнхгаузене" и ряда других позволяет взглянуть несколько по-новому на пушкинскую эпоху как определенную культурную систему. Напомним одну существенную закономерность, которая была в свое время сформулирована Б.М.Эйхенбаумом:

Смена проблем и смысловых значений приводит к перегруппировке традиционного материала и к вводу новых фактов, выпадавших из прежней системы в силу ее естественной ограниченности. Включение нового ряда фактов (под знаком того или другого соотношения) является как бы их открытием, поскольку существование вне системы ("случайность"), с научной точки зрения, равносильно небытию (Эйхенбаум 1929: 49).

Воссоздание старинных анекдотических сериалов (конец XVIII – первые десятилетия XIX веков) вырывает из небытия комплекс фактов, не попадавших прежде в поле зрения историка литературы, не оказывавшихся в исследовательском фокусе. Ввод в научный обиход этого комплекса открывает целый пласт – и достаточно значимый – русской культуры, который до сих пор всегда оказывался за пределами структурных представлений о пушкинской эпохе. Этот устный пласт культуры, если и признавался, то чисто декларативно, реально же, практически не ощущаясь и, соответственно, не изучаясь.

Конечно, анекдоты, хотя они и рассредоточены по малодоступным изданиям и архивам, специалистам во многом известны, но известны именно как осколки, обрывки, случайные и сделанные вскользь упоминания, ведь записывалось все это отнюдь не систематически и отнюдь не со специальной целью фиксации устных новелл. Так что здесь необходимо воссоздание первоначальной целостной картины.

Сюжеты должны выуживаться из мемуарно-эпистолярных источников, в которых они расположены весьма хаотично, и затем вводиться в свои исходные структуры. Такого рода тексты обычно не живут изолированно, замкнуто, разбросанно, существуя, как правило, под знаком того или иного анекдотического эпоса, наращиваясь подобно кристаллам. Будучи циклизваны, они приобретают совершенно новое (но это для нас, жителей XX столетия, а на самом деле получают свое истинное, исконное) значение, в том числе и эстетическое, уточняя и углубляя общую картину пушкинской эпохи, меняя традиционные акценты в ее понимании. И еще один важный момент хотелось бы подчеркнуть.

Выделяя из бытового, нижнего регистра эпохи анекдоты, целые группы анекдотов, циклизуемые в особые эпосы, мы попытались показать их (именно так: не указать, не определить, а показать) как полноценные художественные тексты, открывающие особую сферу словесного искусства, у которой есть свой репертуар сюжетов и свои внутренние законы построения, своя поэтика. Эта методологическая установка нам представляется особенно перспективной; ее применение обещает открыть принципиально новый подход к изучению литературного процесса конца XVIII– первых десятилетий XIX веков.

	<p>© 1995 by Efim Kurganov Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, University of Helsinki</p>	
--	--	--